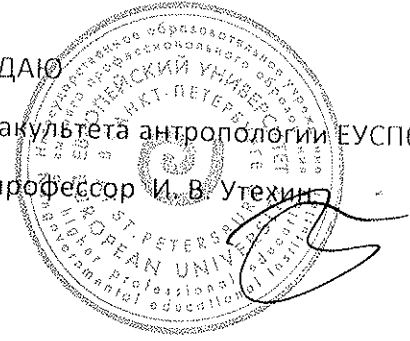

УТВЕРЖДАЮ

Декан факультета антропологии ЕУСПб

к. и. н., профессор И. В. Утехин

13.02.16

**Отзыв официального оппонента о диссертации Анастасии Сергеевны Астаповой
«Современный студенческий анекдот: сюжетный состав и тематические особенности»,**

Представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика

Диссертация А. С. Астаповой посвящена русским студенческим анекдотам, бытование которых фиксируется в постсоветский период. Диссертация построена на большом материале, самостоятельно собранном автором в источниках разного типа: устных записях, печатных публикациях и публикациях в сети Интернет, что соответствует реально существующим формам бытования современного анекдота. Диссертация состоит из трех глав и сопровождается приложениями (общий объем текста – 621 страница), в которых представлен интересный контекстный материал, как фольклорного, так и литературного характера (Приложения 2, 3) и, в качестве отдельного и важного результата работы, – «Указатель сюжетов и систематизированное собрание современных студенческих анекдотов» (Приложение 1), о котором, как о историографической первой главе, будет сказано ниже.

Мы не будем пересказывать работу и подробно излагать соображения и выводы автора, ясно и адекватно представленные в автореферате, и начнем с замечаний. Первое относится к самому центральному понятию исследования – «студенческий анекдот». Во введении А. С. Астапова не только не дает определения студенческого анекдота (что, может быть, и не обязательно), но и не сообщает о том, какого принципа она придерживается в идентификации и определении границ этого явления: тематического (анекдоты о студентах), принципа бытования в студенческой среде или комбинации этих принципов? Только во второй главе этот вопрос получает ответ: автор объясняет, что при отборе материала «выбрала эмический принцип: в случае если респондент, администратор сайта или редактор сборника анекдотов считал анекдот студенческим, включая его в соответствующую тематическую рубрику (а респондент рассказывал анекдот в ответ на просьбу рассказать *студенческий* анекдот), я включала его в корпус текстов, составляющих исследование данной диссертации. То же касается и жанровых разновидностей текстов: если «источники» определяли тексты как студенческие анекдоты, я включала их в соответствующий корпус». Принцип понятный, но вызывает вопросы: во-первых, разные респонденты имеют разные представления и ориентировались на разные показатели, определяя анекдот как «студенческий», поскольку о какой-то определенной «культурной традиции» в этом случае говорить не приходится; во-вторых, мы можем учесть только «положительные» показания, но не можем учесть «отрицательных»: когда респондент

сознательно НЕ отнес тот или иной анекдот к разряду студенческих – а ведь это тоже характеризует эмический взгляд на границы предмета. Кроме того, отдавая решение этого на самом деле принципиального вопроса на волю информантов и издателей, исследователь неизбежно получает больше «шума», чем при собственном отборе. В результате и статистические подсчеты (которыми постоянно пользуется автор работы) оказываются уязвимыми, поскольку отсылают не понятно какой реальности, да и в сам корпус попадает слишком заметное количество «пограничных» сюжетов, связей которых со студенческими реалиями условна или ситуативна (в частности, анекдотов о профессиях – медиках, инженерах и т.д.). Вопрос в том, насколько правомерно использовать эти тексты наравне с «ядерной» частью корпуса (что делает автор, иногда с небольшими оговорками) при дальнейших аналитических операциях, не говоря уже о количественных методах?

Наиболее серьезные замечания вызвала третья глава «Социальный аспект студенческой субкультуры и тематические особенности анекдота». В ней автор интерпретирует сюжетно-тематические особенности студенческого анекдота через черты «студенческой субкультуры», основной характеристикой которой объявляется насыщенность обрядами и предписаниями, которые, как пишет А. С. Астапова, «относятся к переходным периодам в жизни студента, сопровождая процесс инициации». Мы не будем останавливаться на вопросе о продуктивности самого такого подхода, о продуктивности использования понятия «субкультура» по отношению к студентам и о методологическом качестве тех исследований, на которые опирается автор и которые приписывают студенчеству особенную сосредоточенность на «переходных» смыслах, текстах и практиках, но подробно рассмотрим, как автор диссертации применяет данный подход. В качестве основных категорий, с которой А. С. Астапова подходит здесь к интерпретации содержательных особенностей студенческих анекдотов, выступают лиминальность и коммунитас. И автор начинает с того, что пытается ее посчитать: «Ситуации экзамена, поступления, сессии, практики, армии, больницы, окончания вузов, распределения составляют 42,5% анекдотов, образуя, таким образом, очевидную доминанту (другие повторяющиеся ситуации – за исключением лекции – общежитие, студенческая столовая или общепит, больница, общественный транспорт и так далее в итоге составляют менее 10% текстов). Все ситуации, образующие доминанту студенческого анекдота, объединяет один и тот же момент: они являются переходными и характеризуются теми же особенностями коммунитас, о которых я говорила в соответствующем параграфе». В дальнейшем все эти «досмиганные» ситуации рассматриваются в связи с лиминальностью. Но на самом деле $\frac{3}{4}$ этой процентной цифры обеспечивает показатель позиции «экзамен», и если заменить все остальные позиции, перечисленные в этой группе, на все позиции, перечисленные в «не-лиминальной» группе и составляющие столь выразительное меньшинство, - то получится практически то же самое: около 41%. При этом «лекция» при подсчете не вошла в этот миноритарный список, в который собраны «не-лиминальные» ситуации, а если бы вошла, как, по идее, должно бы быть, то его процентный показатель был бы далеко не таким мизерным. Иначе говоря, включение или исключение сильной позиции, определяющей всю картину, зависит от того, что даст автору статистику, подтверждающие его гипотезу о насыщенности сюжетного фонда ситуациями, связывающими анекдоты с лиминальностью. Результатом этих подсчетов ниже «Таким

образом, практически каждый второй анекдот связан с лиминальностью и только каждый пятый – с гендером».

В раздел «3.3.1.1. Ситуации, связанные с лиминальностью» вошли *экзамен, сессия, поступление, практика, армия и военная служба, распределение и жизнь после университета*. Объединять все эти ситуации по принципу связи с лиминальностью, на наш взгляд, едва ли верно и продуктивно. И степень очевидности этой связи (точнее, допустимости такой интерпретации) очень разная (ср. «экзамен» и «жизнь после университета»), и понимание самой лиминальности при применении этой категории к данным ситуациям, в каждом случае требует уточнения: если уж пытаться увидеть в них «лиминальны», в разных случаях на разных основаниях. Другая проблема в том, что «связь с лиминальностью» приписывается «ситуациям», взятым в очень общем виде, иногда весьма широким, с размытыми границами – то есть на самом деле не ситуациям, а классам ситуаций или даже тематическим группам. По мнению автора, этого достаточно, чтобы все конкретные анекдоты, относящиеся к этим тематическим группам, тоже считать «связанными с лиминальностью». В этом, на наш взгляд, есть некоторая методологическая подмена: если искать лиминальность и т. п. смыслы в повествовательных текстах, то это следует делать в конкретных сюжетных ситуациях, а не в обобщенных классах ситуаций. Между тем, анекдоты эти очень разные и отношения каждого из них к той или иной рамочной ситуации тоже различны. Но автор, по-видимому, считает настолько достаточным определить лиминальность ситуации в целом и по умолчанию, пакетно распространить ее на все относящиеся к этой «ситуации» случаи, что даже не попытался подобрать такие примеры, которые лили бы воду на мельницу такой интерпретации. Если мы посмотрим на конкретные иллюстрации, приведенные далее, то в большинстве из них никакого намека на лиминальное состояние персонажа не увидим при всем желании. Например, анекдот о студенческом и обычном аде представляет сессию как краткосрочное, но интенсивное мучение, следующее за долгим периодом беззаботности, но не как размывающее границы привычного мира, неопределенное, уязвимое лиминальное состояние. В анекдоте о распределении на работу после вуза "на север Крыма" и "на юг Камчатки" тоже никак не акцентирована лиминальность, в том числе и самого процесса распределения (если утверждать обратное, апеллируя к наличию «волнительного» момента возвращения героя с распределения, то мы должны будем признать, что с лиминальностью связаны все анекдотические сюжеты, в которых один герой спрашивает другого «ну как?»). Анекдот "из меня такой инженер, что боюсь к доктору идти" тоже, кажется, не приписывает свойства лиминальности дальнейшей жизни после окончания вуза. Анекдот о шпионе, предававшемся буршескому образу жизни советских студентов, но в отличие от них не сдавшем сессию, рисует сессию совсем не как лиминальное состояние, да и вообще он не о сессии. А анекдот "все фото в одном костюме", разумеется, о бедности инженеров, а не студентов, - тема, характерная для советского юмора; и опять же: обреченность на бедность на всю жизнь – это что, лиминальность?

Не вполне убедительной выглядит и другая характеристика студенческой субкультуры, задающая автору направление интерпретации анекдотов, – дисциплинарность, понимаемая в фукианском ключе. Так, автор пишет: «Лекция в университете тесно связана с дисциплинарными техниками власти, что и обуславливает ее

популярность в студенческом анекдоте. Лекция в анекдоте растянута во времени, чрезвычайно скучна и продолжительна (1,8% версий относительно всех анекдотов). В результате студенты поглядывают на часы, засыпают или занимаются посторонними делами (1,2% версий анекдотов), то есть любым образом восстают против дисциплины и правил через подобное «антиповедение» (с. 96). Конечно, сон на занятиях – поведение, не соответствующее дисциплинарным нормам. Но стоит ли говорить о «восстании» против правил, если в иллюстрирующем данный тезис анекдоте о намерении посетить лекцию, чтобы иметь возможность выспаться (как и во многих других) сон на лекции подается как раз в качестве нормы для той самой студенческой субкультуры, тогда как его антидисциплинарность и бунтарская интенция не обыгрывается. Далее читаем: «Лекция, в отличие от экзамена, статична, действие в ней растянуто или замедленно, что гораздо более характеризует ее как структуру, а не коммунитас, в отличие от экзамена». Нет ли здесь противоречия в интерпретации: по Тернеру, именно в фазе коммунитас, а не структуры, общество характеризуется анормативным и даже антинормативным поведением?

Вообще, сюжетов, заостряющих именно дисциплинарные отношения в университетской среде, не так уж много, тем более в сопоставлении с некоторыми другими тематическими группами. В этом смысле продуктивно сравнить их со школьными, чтобы стало очевидно, что в последних эта тема разработана куда больше, и по понятным причинам: в отличие от университета, в школе сама идея дисциплины постоянно муссируется, а ее практики, тексты, ситуации постоянно воспроизводятся, непосредственно и текстуально (см. об этом: Маслинский К. Школьная дисциплина сквозь призму фольклора // Антропологический форум. 2013. № 19 online. С. 177 - 194). Разумеется, фукианское понимание дисциплины шире, чем «эмическое», применяемое в школе, университете или на предприятии. Но фактически – что из показателей дисциплинарного общества, кроме «статусности» / «иерархии», регулярно встречается в студенческих анекдотах? Почему нужно видеть в вольном поведении героя-студента с преподавателем «восстание» против дисциплины, а не наоборот – воспроизведение стереотипа о демократических университетских нравах? Да и профессор в этой паре не так уж часто выступает именно как дисциплинарный агент: чтобы «почувствовать разницу», достаточно вспомнить, например, подобную анекдотическую пару генерал (полковник, старшина) и солдат (дембель) в армейских анекдотах.

Справедливости ради и к чести автора надо сказать, что по поводу своих интерпретаций Анастасия Сергеевна оговаривается: «... я не пытаюсь свести все многообразие студенческого анекдота к лиминальности и дисциплине, как его характеристикам, но полагаю, что именно они во многом отличают студенческий анекдот от других циклов». Фактически же использование этих характеристик по большей части оборачивается констатацией их проявления в типичных для студенческого анекдота темах или ситуациях, а потому мало что добавляет в понимании специфики этих анекдотов к простому тематическому подходу – то есть к тезису (также звучащему в диссертации), что в студенческий анекдот, как и в любой анекдот (и шире: в фольклор, в жаргон), связанный с какой-то социальной группой, тем более «субкультурой», попадают прежде всего те базовые реалии и практики, которые особенно актуальны для этой группы, которые,

собственно, и обеспечивают отличие этой группы от остального мира и делают ее группой. Впрочем, в этом можно увидеть стремление диссертанта к контринтуитивности научного знания, что следует отнести к достоинствам.

Переходя от сюжетных ситуаций к персонажам, автор примеривает и к образу студента, и к образу профессора тип мифологического трикстера, используемый «в более широком понимании»: «Как рассеянный профессор, так и списывающий студент являются образами трикстера, отклоняющегося от нормы». Но разве это достаточная характеристика трикстерского типа? Что дает для понимания специфики этих «образов» такая интерпретация, если сам объем понятия «расширяется» настолько, что практически теряет связь с изначальным набором характеристик и тем самым лишается идентифицирующего значения, что делает практически нулевым типологический потенциал самого этого сопоставления? На наш взгляд, такая приблизительность, даже небрежность в использовании сложившихся в науке (и часто – вызывающих полемику) понятий для интерпретации анекдотов уводит исследователя в поле полной свободы семантических комбинаций (например, в таких суждениях: «В свою очередь, идеальным героем студенческого, «лиминального», анекдота становится амбивалентный трикстер») или заставляет забыть об общих чертах исследуемого жанра: «С лиминальностью связаны и многие другие особенности студенческого анекдота. Среди прочих – отсутствие имен у их героев. Свойства коммунитас стирают границы между студентами и преподавателями, обезличивают их, лишая не только устойчивых статусов, но и имен», - как будто в остальных анекдотических группах, кроме использующих конкретных персонажей, это иначе.

За пределами отзыва остался еще ряд замечаний, однако на этом мы завершим и без того слишком обширную критическую часть отзыва и перейдем к сильным сторонам работы. К ним, прежде всего, следует отнести огромную работу автора по сборанию материала (как собственно анекдотического, так и «контекстного»), составившего эмпирическую базу исследования. Результатом этого труда, проведенного продуманно и тщательно, с использованием различных собирательских методик и применением специальных методик верифицирования полученных материалов, стал обширный корпус текстов и созданный на его основе указатель сюжетов (Приложение 1). И к принципам составления корпуса, и к указателю есть вопросы, но, во-первых, это неизбежно по отношению к любому серьезному корпусу текстовых данных и к любому указателю сюжетов, так что скорее свидетельствует о сложности поставленной задачи, которую автор выполнил весьма достойно; во-вторых, сомнению не подлежит основное качество корпуса – его репрезентативность; в-третьих, очевидна та самостоятельная ценность, которую корпус и указатель представляют для дальнейших исследований анекдота, равно как и для дальнейших поисков и полемики в области систематического описания и каталогизации фольклорных единиц.

К успехам диссертационного исследования, без сомнения, относится и его историографическая часть, составившая большую первую главу. Насколько мне известно, это первый на русском языке обзор исследований анекдота, выполненный не в режиме простого хронологического перечисления авторов и работ и краткого пересказа последних, а следующий методологическому принципу: автор идет не от конкретных работ, а от подходов, от теоретических установок и интерпретационных моделей, и

последовательно показывает их реализацию и их динамику в трудах разных научных школ и конкретных фольклористов. Стоит особо сказать о том, что в библиографическом списке рецензируемой диссертационной работы почти половину позиций составляют англоязычные публикации, что до сих пор – большая редкость в отечественных трудах по фольклористике. Между тем, хорошее знание международного исследовательского поля в своей области позволяет ученому не просто ссылаться на «работы зарубежных коллег», но фактически учитывать существующие подходы и конкретные опыты в своем исследовании и, что особенно важно, встраиваться в существующую полемику, что периодически и делает А. С. Астапова в данной работе.

Отдельное качество данной работы, которое следует отметить особо, – это ее исключительная самостоятельность, независимость. В том, как автор следует собственным принципам отбора данных, как совмещает в рамках одного исследования структурный и антропологический подходы, как применяет к нарративному материалу категории, разработанные на основе анализа исторических и этнографических фактов, – во всем этом мы видим оборотную, позитивную сторону того, что вызвало многие наши критические соображения: чрезвычайно полезное для молодого ученого свойство, его «второе счастье» – исследовательскую смелость.

В заключение необходимо сказать, что, несмотря на большое количество высказанных нами замечаний, они не имеют решающего значения для общей оценки диссертации, которая представляет собой интересное, самостоятельное и серьезное научное исследование, свидетельствующее о таланте, профессионализме, и научной эрудированности автора. Учитывая как отмеченные выше, так и оставшиеся за рамками настоящего отзыва достоинства работы, мы можем без колебаний заключить, что диссертационное исследование Анастасии Сергеевны Астаповой заслуживает высокой оценки. Структура, оформление и научный уровень диссертации соответствует требованиям, предъявляемым ВАК ко квалификационным работам данного типа, а автореферат, как и перечисленные в нем публикации диссертанта по теме работы, полно и адекватно отражают основные положения исследования, автор которого, несомненно, достоин присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.09 – Фольклористика.

М. Л. Лурье

кандидат искусствоведения

профессор факультета антропологии ИУ СПб

